

На масленичном корпоративе старший художник «Газеты Наших Нравов» Григ Сундарев, устроив всплющие пьяный скандал, вырвал изо рта взятого за горло главного редактора Недоволкова обе его вставные челости протезов и глумливо растоптал их собственными ногами.

* * *

Господин Ваша честь, а также, как толкуют в народе, кодла пристяжных, я заранее вас всех предупреждаю, клянусь всей своей кровопийственно безжалостной ипотекой, что, имея по Конституции полное на то право, целые сутки буду говорить, без отрыва от данного последнего слова, только максимум трижды правду, и не затыкайте, Ваша честь, лично мою так называемую пасть молотом судебного заседания.

Дважды не стоит и четырежды не надо фильтровать мой базар, иначе немедленно подниму на ноги моего личного тела всю эту вашу, тут я промолчу, оонщину вместе с прессухой наших журналов, загулявших по буфету от того, что на них нету твердо несгибаемой руки вождя бывшей дружбы народов, увы, перешедшей в массу враждебных чувств и даже мнений.

Ну, это, как говорят победившие боксеры, хук с ними. Лично я уважаю всех двуногих, кроме чумовых и шизанутых на всю бестолковку. Пусть само-

стоят, как хотят, где светит, но не греет, и, конечно, наоборот.

Я чего категорически не могу не сказать? Ведь наша корпорашка на хрена, спрашивается, собралась? Мы с чисто религиозной перестроечностью заявились погулять на Масленицу, а не просто выжирать стакан за стаканом, и опять же, наоборот, если затошнит от халывного энтузиазма. И когда пострадавший Недоволков, конь позорный, назюзюкавшись, стал то и дело вставлять в свои воинючие здравицы «блин», «блин», «блин». Да-да, реально вставлял через наилагороднейшее из слов: «блин», «блин», «блин».

А ведь мог бы говорить, например, «бланк», «бланк», «бланк», включая сюда даже двойное ругательство, применял которое в своем злополучном хренознании сам Сталин, в натуре, на каждом шагу, то есть «блюхер», «блюхер», «блюхер», и все у нас было хорошо, — мы даже двигались, оказывается, к перестройке, епископ ее маму совсем, как, выходит дело, говорит Папа Ватикана.

Ну, тут я не стерпел, поднялся и крикнул, рванув из-за поляны, чтоб он заткнул свою гнойную пасть и не смел, паскуда, называть всякие несолидные существительные на букву Б «блинами», издавна святыми, Ваша честь, для верующего и неверующего русского человека — даже безбожно озвучивающего самые крутые многоэтажные матюки.

Какими уж мы родились, такими и откинем копыта либо в деревне, либо в городе и, конечно, за бугром, где наши матюки превращают в русаков все национальности, от Совка свалившие, куда глаза глядят, и живут себе, не стесняются – от пузза матюкаются.

Но Недоволкин, штопаный гондон, продолжая набивать хавало святым для народа продуктом, можно сказать, Небесного Класса, возражает и даже доказывает.

«Ты, блин, знаешь, кто ты, блин, есть, и какого шершавого ты, блин, топчешь нашу, блин, землю, блин, вокруг себя, блин, босиком?»

Тут, виноват без вины, я уж не воздержался, вырвал у него из хавала оба протеза и растоптал их гневными своими конечностями ног, а Недоволков начал шепеляво меня обзывать, типа, шопляк, шукоединя, шукин шын, шикопрыга, Штилина нет на тебя и так далее, что заставило меня залепить его хавало паштетом из куриных пупков, а он поперхнулся, упал и, видите ли, задергал своими забугровыми полуботинками. Ну, а весь корпоратив хохотал, священные блины, само собою, уминая.

Тогда я вылил на Недоволкова пару бутылок ледяного пива, вбухал ему в горлянку полстакана виски, а он выразительно очухался, набил очередной блин красной икрой с горчицей, как-то прожевал его, вставил вдруг обе челюсти сначала в чью-то пасть, потом в свою, я ему помогал, ну и объявил, мол, леди и джентльмены, Грига Сундарев реально прав. Поэтому если кто-либо, включая меня и прочее начальство, упомяннет священный «блин» вместо разных существительных на букву Б – чтоб меня ведьмы вымели метлами прямо в ад, – никаких вам ни премиальных, ни продуктовых, извините, благ, точней, наборов и прочих профсоюзных благоустройств. Спасиочки тебе, Грига, за дружеский подсказ. Всем отделам. Совместно с высшим руководством РПЦ поручаю завтра же начать общероссийскую дискуссию о ставшем, к сожалению, общепривычным, недопустимо оскорбляющем достоинство Святого Блина, позорном преступлении против родного Языка и самого мата, – его неотъемлемой исторической части. Без мата – а он для всех нас, адский наш род, не препохабная порнуха, – жисть у народа была бы без него и не жистью, а, возможно, пристанционным сортиром станции, но которой останавливаются лишь товарняки, которые туда-сюда возят дермо и больше ничего.

Упомяну уж в своем последнем слове еще об одной заразе. Ведь вы, Ваша честь, сами слышите на каждом шагу, как девушки, молодые люди, даже

трансантисимиты, включая сюда детей обоих полов, то и дело орут, шипят и дерут глотки, то есть посылают друг друга и посылают, типа, «да пошел ты!», «да пошла ты!», «да пошли вы все!» – это в адрес нашей раненой, точней, родной Госдумы!

И ни одна из посылающих глоток и глоточек ханжески лицемерно не указывает, куда именно направиться посылаемому другому/другой и наоборот. Разве что несчастный незахороненный перевернется в склепе своем мавзолейном за те же бабки на другой бок и закартавит: «Шли бы все вы в пегвобытно пещегный коммунизм, дологие товагиши».

Кроме шуток, нагод, виноват, народ обязан точно указывать выбранное, от слова «брать», направление, к примеру, «да пошел ты в ЖПО», имея в виду женский половой орган, – вот тогда и придет, в общих чертах, к новому, понимаете, всенародному движению, незнамо куда и, главное, за что – вот что! Особенно если иметь в виду Научно-исследовательский институт проектирования будущего.

Пора, товарищи леди и джентльмены, а также Ваша честь, прекратить всенародно коллективное богохульие с помощью засланного к нам из-за бугра словечка «блин».

Потом все мы замечательно и вдумчиво дометали солнышки блинов, типа, догуляли Масленицу, но вдруг нагрянули поддатые менты, которых кто-то вызвал два часа назад. Меня захомутали, хотя главред настаивал на немедленном прекращении дела. Однако его твердо приструнили, мол, сие преступление совершено не против вас лично, а является недопустимой блевотой в лицо и без того достаточно захарканного Закона.

Как говорится, шизец подкрался незаметно, так что, хук с вами, осуждайте, но я и за решкой буду дергать РПЦ известно за что, так как трудящиеся священнослужители обязаны нагружать самую суровую анафему на почитателей отвратительного лицемерия, устно и письменно, в театре и в кино порочащего святейший символ животворящего солнца, – обожаемый всенародными нациями, великий русский Блин.

Сколько же можно суицидничать, Ваша честь, приплюсовав к вам лица заседающих ради присяги в адрес справедливости, на месте которой шершавый нынче вирус вырос? До конца света, что ли? И неужто все мы, блюхер буду, хронически охудели не только телом, но и душою?

2021 год